

**ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ
М. В. АЛЕКСЕЕВ**

ро генерала Алексеева рассказывали такой анекдот:

«В Академии, где-то на примерном учении, эскадронный командир предложил профессору Алексееву лошадь. Профессор поблагодарил:

– Спасибо, мне нужно поскорее, а потому уж я пешком...»

«Так и карьеру, и путь к бессмертию в истории Михаил Васильевич Алексеев прошел пешком», – писал по этому поводу

белогвардейский публицист Виктор Севский (В. А. Краснушкин). – «Не блистал, не блестел, так и в истории – в тужурке защитного цвета». И действительно, при взгляде на пройденный Алексеевым путь, от «нижнего чина» до «полного генерала», прежде всего бросается в глаза, что достигал он всего упорным, настойчивым, будничным... и слишком часто незаметным со стороны, кропотливым трудом. Но именно его, скромного до застенчивости и совсем не «картинного», призовет самое героическое время, обычно вызывающее на авансцену истории как раз «блестящих и блистающих»; и так же скромно и незаметно, в разоренной и охваченной смутой России старый генерал будет свершать, как он сам говорил, свое «последнее дело на земле» – создание Добровольческой Армии.

* * *

Биография М. В. Алексеева заслуживает самостоятельного и подробного исследования, и не случайно жизнеописание генерала, составленное в эмиграции его дочерью Верой Михайловной Алексеевой-Борель и увидевшее свет лишь в наши дни в России, превышает 45 печатных листов. Но и беглого взгляда, краткого очерка, достаточно, чтобы и на ранних ступенях служебной лестницы разглядеть в нем те черты, которые ярко проявятся в 1915–1918 годах, когда генерал выдвинется на высшие посты в Российской Императорской, а затем – Белой Армии.

Родился Михаил Васильевич 3 ноября 1857 года в небогатой семье армейского штабс-капитана, выслужившегося из сверхсрочных унтер-офицеров. Свою военную службу он начинает в ноябре 1873 года, не завершив обучения в Тверской классической гимназии и зачислившись вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк, а оттуда поступив в Московское пехотное юнкерское училище. Успешно окончив его, Алексеев был выпущен подпрапорщиком в 64-й пехотный Казанский полк, где в свое время служил его отец. В рядах полка Михаил, уже будучи произведенным в прапорщики, получает боевое крещение на Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов. Там он получает первые боевые ордена и легкое ранение (о котором прапорщик, впрочем, никому не сказал, считая его царапиной), а по возвращении из похода более десяти лет тянет лямку строевого офицера в провинциальном гарнизоне, последние два года командуя ротой; одним этим фактом наглядно опровергаются раздававшиеся впоследствии упреки в адрес Алексеева как «штабного» или даже «канцелярского» генерала, «никогда ничем не командовавшего»: лучше всех знал солдата, ближе всех общался с ним и нес за его подготовку и бытовую устроенность наибольшую ответственность как раз командир роты.

Не имевший семьи 29-летний Алексеев (к моменту командования ротой он уже штабс-капитан) не только служебное, но и свободное время отдает своим подчиненным, наряду с боевой учебой организуя и общеобразовательные беседы, значительно расширявшие кругозор солдат; внимателен и заботлив он

и к младшим офицерам, один из которых много позже будет вспоминать об «отеческом» отношении Михаила Васильевича. Однако не следует и идеализировать характер Алексеева. Тот же сослуживец писал, что подчас он, когда солдаты бывали невнимательны «и ученье шло не так, как надо», – «выйдя из себя, кричал, топал ногами, дисциплинарные взыскания сыпал одно за другим, и всем казалось, что наступит что-то невероятное; голос звучал громче, визгливее, и тогда рота понимала, что ротный извелся, и напрягала все свое внимание и старание, и учение понемногу становилось лучше и лучше» (штабс-капитан, впрочем, отличался и отходчивостью). Но это единственное в своем роде свидетельство настолько не вяжется со всеми другими воспоминаниями о Михаиле Васильевиче, что тем самым уже приоткрывает, какую силу воли должен был он впоследствии проявлять, обуздывая свой темперамент, в самых тяжелых ситуациях сохраняя спокойствие и хладнокровие и, за редчайшими исключениями, позволяя себе резкие вспышки эмоций только в частной переписке.

Помимо своих служебных обязанностей Алексеев уделяет внимание и подготовке к поступлению в Академию Генерального Штаба. Из ее стен он вынесет вскоре убеждение, что «область... нашей науки “стратегии” не поддается каким-либо положительным правилам... Могут быть принципы, но и с теми не все согласны...», явственно противоречащее мнению о нем как о кабинетном схоласте. Окончание в 1890 году Академии по первому разряду и причисление к Генеральному Штабу позволили Алексееву, в надеждах на дальнейшее продвижение по службе, подумать и об устройстве личной жизни: он женится на Анне Николаевне Пироцкой, дочери его старшего сослуживца, до конца жизни остававшейся верной и любимой спутницей Михаила Васильевича. Но устройство своего дома и стесненность в средствах для обеспечения семьи (в 1891–1899 годах родилось трое детей) потребовали от Михаила Васильевича еще более напряженной работы – в частности, совмещения службы в Штабе I-го армейского корпуса с преподаванием в двух военных училищах.

Серьезным работником показал себя Михаил Васильевич и в Академии Генерального Штаба, где с 1898 года состоял профессором (этому предшествовали пять лет службы в канцелярии Военно-ученого комитета Главного Штаба). Его курс истории русского военного искусства нельзя отнести к числу удачных, но основательностью он бесспорно отличался, и заслуги Алексеева были оценены его коллегами: в 1904 году он становится заслуженным профессором Академии, а три с половиной года спустя избирается почетным членом ее Конференции (высшего органа, своего рода «ученого совета»).

Но перед этим была еще Русско-Японская война. С 1900 года профессор Алексеев совмещает преподавание со службой в Главном Штабе, а с середины 1904-го даже оставляет ради нее Академию. В это время он уже генерал-майор, а к трем боевым наградам прибавляются четыре ордена мирного времени. Не желая оставаться в Петербурге, Михаил Васильевич добивается назначения в Действующую Армию и в начале ноября 1904 года отправляется в Штаб III-й Маньчжурской Армии на должность генерал-квартирмейстера.

Звучащие в письмах Михаила Васильевича тех месяцев рассуждения о свойствах истинного военачальника очень важны для понимания его личности. «Полководцу нужны: талант, счастье, решимость, – пишет он. – Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. ...На войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать». Как это непохоже на «столоначальника», каким обычно представляют Алексеева! В отличие от своих младших соратников по

Белому движению – Корнилова, Деникина, Маркова, – он действительно не был человеком порыва, ему не были присущи лихость, отчаянность, азарт, – однако у Михаила Васильевича не отнять и понимания необходимости дерзать, учета морального фактора, вкуса к военному творчеству. Покажет он себя и подлинно боевым генералом, получив за Мукденское сражение Золотое Оружие. Но ценнее любых орденов должен был стать тот боевой опыт, который Алексеев приобрел в условиях современной войны, уже предвосхищавших многое из того, с чем вскоре придется столкнуться на Первой мировой.

* * *

По возвращении в Петербург генерал-майор Алексеев получает назначение на должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, где и служит в течение двух лет. В конце августа 1908 года он назначается начальником Штаба Киевского военного округа (а вскоре и производится в генерал-лейтенанты), но уезжает к новому месту службы, должно быть, не с легким сердцем: «военный ренессанс», когда на основании опыта прошедшей войны пересматривались многие положения боевой подготовки, тактики и оперативного искусства, активным участником чего был Алексеев, проходил в отнюдь не простой обстановке. Борьба новаторских и консервативных тенденций внутри самого военного ведомства осложнялась настойчивыми попытками вмешательства в армейские и флотские дела «общественных деятелей», пытавшихся, противопоставляя себя чиновной бюрократии, играть роль единственных «радетелей о России и русском народе». Напущенный в те годы туман не рассеялся и по сей день, лучшим примером чего могут служить непрекращающиеся обвинения генерала Алексеева в принадлежности к масонству.

Само по себе членство в тайном обществе, тем более – категорически осуждаемом Православной Церковью, действительно было не просто предосудительным, но прямо недопустимым для офицера Российской Императорской Армии; беда лишь в том, что никто из громогласных обвинителей за многие десятилетия не только не привел никаких доказательств, но даже не определил, о чем же, собственно, идет речь. В одну кучу валяются иронически прозванный «младотурками» кружок молодых генштабистов (к которому Алексеев заведомо не относился); армейские деятели, склонные к сотрудничеству с лево-либеральной «общественностью» и Думой (яркий представитель этих кругов – помощник военного министра генерал А. А. Поливанов, которого Михаил Васильевич в письмах называл «дельцом интриги» и никак не мог быть его сотрудником и единомышленником); некая мифическая «Военная Ложя», ни состава, ни характера реальной деятельности которой, однако, не способен аргументированно осветить никто из козыряющих этим страшным термином... Поэтому оставим бездоказательные, если не вообще недоказуемые измышления (равно как и утверждения о якобы исповедуемых Анной Николаевной Алексеевой «левых взглядах») и в дальнейшем будем делать выводы о воззрениях генерала лишь на основании конкретных его поступков.

Четырехлетняя служба в Киевском военном округе дала Алексееву хорошую подготовку к будущей войне, начинать которую ему доведется именно на этом театре; даже критически относящийся к нему историк вынужден признать его «мозгом и душой всей русской стратегии», в алексеевском варианте проникнутой решительностью и наступательным духом. Наступательные операции первых дней мировой войны, однако, далеко не всегда будут успеш-

ными – достаточно вспомнить катастрофу II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии, где, в частности, погиб в окружении XIII-й армейский корпус, которым два предвоенных года командовал генерал-лейтенант Алексеев («Как больно за мой 13-й корпус...» – обронит он в разговоре с сыном Николаем, также ставшим к тому времени офицером).

А сам Алексеев находился в это время далеко от своих недавних сослуживцев – на Юго-Западном фронте, в соответствии с мобилизационным планом приняв пост начальника Штаба Главнокомандующего армиями фронта генерала Н. И. Иванова. Здесь им предстояло в первые месяцы войны разыграть крупную операцию, в определенной мере компенсировавшую моральный удар, нанесенный России в Восточной Пруссии, и вошедшую в историю под именем Галицийской битвы.

* * *

Позднее укрепились мнение, будто Императорско-Королевская Австро-Венгерская Армия не являлась серьезным врагом и вообще не была ни на что способна без мощной поддержки своего германского союзника. Следует, однако, считать такую точку зрения весьма далекой от истины, по крайней мере в первый период войны, когда австрийцы развили опасное наступление. Переломить ход событий, создавая австрийской армии репутацию «вечно битой», предстояло русским войскам Юго-Западного фронта.

И задача эта была достигнута. Пять русских армий в кровопролитных боях вырвали у противника стратегическую инициативу и погнали его, перейдя границу и заняв Львов. Уже в этот первый период войны заставили говорить о себе – сначала в Армии, а затем и в более широких кругах русского общества – многие из тех генералов, которые вскоре окажутся на видных ролях в Белом движении: А. М. Каледин, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин... Впрочем, тогда же выдвигается на первый план и генерал, чьи заслуги представляются несправедливо преувеличенными, – Н. В. Рузский.

Погнавшийся за дешевыми лаврами «покорителя Львова» и во главе своей III-й армии слишком долго не выполнявший распоряжений командования фронтом, Рузский за эту кампанию был награжден сразу IV-й и III-й степенями ордена Святого Георгия и назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта (генерал Иванов, заслуживший IV-ю степень на Японской войне, был удостоен Георгия III-й степени, а Алексеев – IV-й; вскоре Михаил Васильевич был произведен в генералы-от-инфантерии). В связи с действиями III-й армии Алексееву иногда ставилось в вину неумение «власть употребить», разговаривать с подчиненными категорическим тоном и приводить их к повиновению, – но критиками забывается, что при живом командующем его начальник штаба и не должен брать этого на себя. То, чего требовали от Алексеева, следовало требовать от генерала Иванова, а само переадресование претензий говорит, пожалуй, о ложном положении Михаила Васильевича, на которого неизменно перекладывали моральную ответственность за действия тех, кто по своему служебному положению не только мог, но и обязан был принимать волевые решения. Казалось, правда, что следующее назначение даст такую возможность и ему самому...

13 марта 1915 года генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта на место Рузского. «С молитвою к Богу и с верою в Его Святую волю вступлю [в] исполнение той высокой обязанности, которую Ваше Императорское Высочество соизволили возложить на меня.

*Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев
перед зданием Ставки в Могилеве, 1917 год*

Все силы воли [и] ума приложу, чтобы оказаться достойным Вашего доверия, высокой милости, быть действительно полезным Великому Государю и родине», – телеграфировал Алексеев Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу, и в его устах это не было пустыми «придворными» фразами.

Михаилу Васильевичу досталось далеко не лучшее наследство. «Позади – ряд неудач; подорванный дух войск, большой некомплект, – писал он сыну. – ...Ты поймешь, конечно, мое состояние ввиду той громадной ответственности, которая ложится теперь исключительно на одного меня». С ответственностью, правда, приходила и большая свобода решений, однако грозные события вскоре лишат Алексеева этой свободы в самом важном стратегическом вопросе, оставляя ему лишь полноту ответственности.

19 апреля Юго-Западный фронт был потрясен прорывом у местечка Горлицы. «Шесть месяцев трудов, усилий, жертв пошли насмарку», – волнуется, пытаясь из своего штаба разглядеть причины разыгравшейся в Галиции трагедии, генерал Алексеев, в частных письмах уже называющий противника не иначе как «эти мерзавцы». Кровопролитные бои привели к потере всех галицийских территориальных приобретений первого года войны и вывели немцев во фланг войскам Северо-Западного фронта. Привислинские губернии (Царство Польское) образовывали теперь стратегический выступ, «срезать» который мощным наступлением с юга – из Галиции и с севера – из Восточной Пруссии намеревалось германское командование, приступившее к реализации этого плана в июне.

В создавшейся ситуации, все более осложнявшейся в течение июля – августа, генерал Алексеев принимает единственно верное стратегическое решение – отводить вверенные ему армии, не считаясь с оставлением значительных территорий и имея главной целью сохранение живой силы, необходимой для продолжения войны. Но свобода его мысли и решений вновь оказывалась стесненной, ибо оставлялась не просто территория, а все Царство Польское, что было вопросом политическим и выходило за пределы, в которых Главнокомандующий армиями фронта смеет действовать самостоятельно. А Ставка Верховного Главнокомандующего колебалась и лишь к началу августа санкционировала отход, названный позднее «Великим Отступлением».

И все же даже в эти тяжелые дни Алексеев сохранял веру в русского солдата, русского офицера, – в Русскую Армию. Но в это же время в глубоком тылу царили совсем другие настроения, последствия которых отразились в ближайших недели и на судьбе Михаила Васильевича.

Паника обычно рождается в тылу быстрее, чем на фронте, и Великая война не была исключением из этого правила: в общественно-политических кругах царили растерянность и страх, приобретающие уже истерический характер. Справедливость требует признать, что «избранникам народа» (самим присвоившим себе этот титул, группировавшимся в основном вокруг Государственной Думы и либеральной прессы) ничуть не уступали в этих настроениях избранники Царя – действовавший кабинет министров. Охваченные паническим настроением государственные мужи огульно винили во всем происходящем Ставку Верховного, поднимая вопрос о созыве «чрезвычайного военного совета» под Высочайшим председательством. Однако когда Император Николай Александрович 6 августа заявил о намерении лично возглавить Действующую Армию, последовала буря протестов со стороны людей, своей предыдущей деятельностью фактически наталкивавших Императора на такую мысль. Теперь же министры были искренне напуганы нарисованной ими самими картиной, страшась, что продолжение неудач на фронте роковым образом скажется на отношении народа к «несчастливому» Царю, и рекомендовали возложить обязанности Верховного Главнокомандующего на «козла отпущения за ошибки прошлого», которым мог стать генерал, избранный на должность начальника Штаба Верховного. Уже известно было со слов самого Государя, что генералом этим будет Михаил Васильевич Алексеев.

Алексеев узнал о предстоящем назначении лишь вечером 11 августа. На размышления о выборе сотрудников ему оставалось меньше трех суток (Государь собирался вступить в командование 14-го), а в это время готовилось еще и запланированное заранее разделение Северо-Западного фронта на два. Таким образом, реорганизации подвергались сразу несколько штабов, и столь крупные изменения не могли не показаться рискованными человеку, стоявшему близко к войскам, нуждам и заботам продолжавшего Великое Отступление фронта.

Михаил Васильевич должен был находиться в это время отнюдь не в лучшем состоянии духа: тяжелые события подавляли и его, и незадолго до получения известий о неожиданном назначении он писал начальнику Штаба Верховного (чье место ему теперь предстояло занять): «Придя [к] глубокому убеждению, что командование мое приносит армиям неудачи, родине [–] горе, прошу представить Верховному Главнокомандующему мою всепреданнейшую просьбу отчислить меня от занимаемой должности и уволить [в] отставку»⁷. Казалось бы, новые известия, особенно перспектива одновременных многочисленных реорганизаций, должны были бы окончательно добить его, однако этого не произошло. Овладев собою, он просит лишь об отсрочке вступления Императора в должность Верховного Главнокомандующего.

«Переживаемый кризис не окончится к 14 августа, – настаивает Алексеев, – и к этому числу не определится даже в окончательной форме его разрешение.»

Вывести армии из этого положения, по моему убеждению, обязаны те начальники, которые ныне так или иначе ведут дело и являются всецело ответственными перед Государем и Россией за обстановку данной минуты. Переменить начальников до окончания операции и трудно, и опасно...

Высшие интересы требуют, чтобы Его Императорское Величество соизволил вступить в верховное командование войсками только тогда, когда бу-

дет пережит настоящий кризис, когда армии, хотя ослабленные, будут поставлены в более благоприятное положение.

В этот промежуток времени состоится разделение на Северный и Западный фронты (ночь с 17 на 18 августа), и вступление в исполнение своих обязанностей моего заместителя произойдет для него при более легких и менее ответственных условиях».

Первая просимая отсрочка была Алексееву дана: в сжатые, но не настолько, как предполагалось первоначально, сроки он сумел подготовить необходимые перестановки, и через неделю, 18 августа 1915 года, был издан Высочайший приказ о его назначении начальником Штаба Верховного. Однако недолгий срок отделил эту дату и от кардинальной, самой важной для России перемены, – и 23 августа страна услышала голос нового Верховного Главнокомандующего:

«Сего числа Я принял на Себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в помощь Божью и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай»

Как видим, с первым (и менее принципиальным) ходатайством Алексеева Государь согласился; со вторым же – дать действующим начальникам самим вывести армию из переживаемого кризиса – нет.

* * *

Это было связано с высоким осознанием Государем Своей миссии Помазанника Божьего, несущего единоличную ответственность перед Всевышним за возглавляемое государство, а в случае войны – в первую очередь за армию. Именно в годину тяжелейших испытаний, перед лицом страдающих войск, колеблющегося общества, обеспокоенных союзников, Русский Царь явственно демонстрировал Свое единство с народом, готовность разделить с ним его крестный путь и в полной мере принять на Себя все, что будет ниспослано России свыше. Глубоко религиозный человек, Император Николай II исповедовал взгляд о сакральном характере Православного самодержавия, и решение о вступлении в Верховное Главнокомандование тоже было для него по сути своей актом религиозным.

Бог благословил этот шаг: к осени Великое Отступление было остановлено (сказались и предшествовавшие труды генерала Алексеева). Дух армии и народа не был еще надломлен, и не был надломлен дух тех, кто возглавлял войска. Однако ошибкой было бы, как это нередко делалось в эмиграции и порою делается в наши дни, рисовать идиллическую картину управления вооруженной силой Российской Империи.

Большинство современников, сходясь в чрезвычайно лестной оценке личных качеств Михаила Васильевича, в то же время оставляют без внимания ненормальность ситуации, когда «фактически управлять» всем обречен человек, не наделенный правом решающего голоса и полностью ответственности за предпринимаемые действия. Поэтому трудно согласиться с мнением А. И. Деникина, что, «когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить, что эта стратегия – исключительно личная Мих[аила] Вас[ильевича] Алексеева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи». Номинальный или факти-

ческий, пассивный или действующий, – историческую ответственность за стратегию воюющей державы несет ее Верховный Главнокомандующий, подлинная же роль на этом посту Императора Николая II еще ждет своего исследователя.

Расхожие обвинения Государя в равнодушии или весьма поверхностном интересе к нуждам армии и ходу боевых действий, в подверженности чужому влиянию или, напротив, в неразумном и немотивированном упрямстве, в недостатке военного образования и знаний – по существу слишком голословны и чересчур эмоционально окрашены, чтобы спокойно принимать их на веру; с другой стороны, и почитатели Царя-Мученика не дают ответа на вопрос о Его личном вкладе в руководство войсками, обыкновенно сводя дело к искренней любви Государя к русским солдатам и офицерам или к внимательному отношению Его к представляемым докладам (кстати, именно здесь Он нашел полностью соответствовавшего Ему сотрудника в лице Алексеева, чьи доклады всегда отличались дотошностью, казавшейся многим чрезмерной; одна из причин этого заключалась в стремлении генерала не давать повода Государю подумать, будто от Него что-либо скрывают).

Впрочем, известны и случаи волевого вмешательства Вождя Армии, когда пошатнувшаяся воля Михаила Васильевича, изнемогавшего под грузом небывалой ответственности, находила поддержку в спокойной решимости Императора (хотя, заметим, конкретные решения не могли быть приняты Им иначе, как по докладу того же Алексеева). Несколько отвлекаясь от этой темы, рискнем предположить, что это было возможно лишь при условии глубокого духовного сродства Верховного и Его начальника Штаба – чутко ощущая набожность других, Государь должен был особенно доверять Своему ближайшему сотруднику, о котором очевидец писал: «Алексеев глубоко религиозен... Глубокая и простая вера утешает его в самые тяжелые минуты серьезного служения родине. Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость; он готов в каждом видеть хорошее... Вообще, он укрепляет себя молитвой и молится истово, совершенно не замечая ничего окружающего; он всегда сожалеет, что вечерня такая коротенькая». Это свидетельство тем ценнее, что исходит оно от человека, по «прогрессивности» своего мышления скептически относящегося к религиозным чувствам генерала, который сказал ему как-то: «А я вот счастлив, что верю, и глубоко верю, в Бога и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную судьбу».

Вернемся, однако, к вопросу об участии Императора в управлении войсками. Похоже, что сам Михаил Васильевич не был склонен переоценивать роли Государя и позже вспоминал: «Вести войну и принимать ответственные решения может только один человек⁸. Дурно ли, хорошо ли, но это будет решение ясное, определенное, в зависимости от характера решающего». Но если так – то нам снова приходится признать, что вытягивавший тяжелейший воз подготовительной работы Алексеев был фактически лишен права на логическое ее завершение, а «исключительно личная» его стратегия, вопреки мнению Деникина, предстает странным сочетанием штабного творчества (здесь он, очевидно, был полностью свободен), принятия решений, обставляемых как рекомендации (и с неизбежной оглядкой на то, что всякий риск поставит под угрозу репутацию не генерала Алексеева, а Императора Всероссийского), и... крайней ограниченности в возможностях принудить подчиненных к точному выполнению этих решений. При этом жалобы Михаила Васильевича – «я... никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои при-

казания» – звучат уже отражением не его личного «безволия» или неспособности к жесткой требовательности, а того несчастного положения, в котором генерал неизменно оказывался на протяжении всей войны. Поэтому и наиболее распространенные упреки в том, что Ставка не сумела весной 1916 года поддержать успешное наступление Юго-Западного фронта активными действиями других фронтов, а летом и осенью – предотвратить многотысячные потери на Ковельском и Владимир-Волыньском направлениях, – должны быть в значительной степени переадресованы: требовать от подчиненных повиновения, а в случае необходимости и «власть употребить» – повторим снова и снова – следовало в первую очередь не начальнику Штаба, а самому Верховному Главнокомандующему.

Чуткий и уязвимый Алексеев должен был глубоко переживать такое положение дел, однако внешне это не проявлялось, и окружающие видели только постоянно занятого, скромного и по большей части нахмуренного генерала – вечного труженика. Михаил Васильевич был полностью захвачен многочисленными делами, в которых он, по мнению современника, не умел различать более и менее важных, с одинаковой скрупулезностью подходя и к тем, и к другим. «...Опыт указывал, – запишет он позже, – что сколько бы ни было “помощников”, они не облегчат [работы] начальника штаба, ибо и помощники, и начальник должны будут проделывать одну и ту же работу, если только все они хотят знать ход дела в армиях». Это убеждение на практике приводило к тому, что сотрудниками Алексеева могли быть только люди не творческого склада ума и души, канцеляристы, и недаром генерал-квартирмейстер Ставки, генерала М. С. Пустовойтенко, злые языки называли «Пустоместенко».

Еще более одиноким должен был чувствовать себя Алексеев среди светских, придворных офицеров, появившихся в Ставке с Императором. Еще в августе 1915 года Михаил Васильевич специально подчеркивал, что «придворным быть он не сумеет», и те же мысли звучат в его переписке тех дней: «Свое будущее я принимаю как тяжелое для себя, ибо как человек я совершенно не подготовлен к той обстановке, в которой мне придется работать, это меня тяготит, озабочивает, но над всем нашим царит Высшая воля». Пришлось ему столкнуться и с любопытством высокопоставленных бездельников, проявлявших неуместный интерес к оперативным вопросам, – но после решительного пресечения одной такой попытки со стороны генерала В. Н. Воейкова, дворцового коменданта и «Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской Империи», Алексееву удалось укрепить свои позиции в этом отношении. «Михаил Васильевич чуть не прищемил мне сегодня носа», – жаловался Воейков, дверь перед которым была захлопнута со всей решительностью, – и стоит ли удивляться, что его воспоминания, написанные уже в эмиграции, проникнуты резкой и нескрываемой неприязнью к Алексееву?

«Не подхожу я, не подхожу!» – сокрушенно говорил Михаил Васильевич и после того, как Государь поздравил его с зачислением в Свиту, лично принеся в кабинет начальника Штаба генерал-адъютантский аксельбант и погоны с вензелями. Впрочем, и этого жеста признания высоких заслуг генерала пришлось ожидать около полугода с момента возглавления Императором Армии. Человек, быть может, наиболее близкий Николаю II по душевному складу, Алексеев отнюдь не пользовался явными знаками Высочайшего внимания и расположения – этому мешали хмурая озабоченность одного и не-царствен-

ная застенчивость другого – и среди многолюдья Царской Ставки генерал оставался один.

По крайней мере, не приходится говорить о какой бы то ни было «алексеевской партии», и совсем уж пустыми домыслами выглядят рассуждения современника, будто «около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят *каждое* его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце», – домыслами, расцветавшими на почве слухов о готовящемся «заговоре» и «дворцовом перевороте»...

* * *

Были ли эти слухи столь уж беспочвенными?

Затяжная война, которая далеко не всегда велась оптимальным образом, с ее невиданными прежде размерами – в Действующей Армии и чересчур раздутых тыловых частях насчитывалось до 12 миллионов человек, – накапливала усталость в народных массах, приводила к перенапряжению промышленности, волновала образованное общество (в первую очередь – политических деятелей) и возбуждала, особенно в последних, желание перемен. Народ мог сколько угодно ворчать, верить распускаемым сплетням или охотно сам создавать новые, – но в масштабах государственных он все еще безмолвствовал. Зато громче, чем нужно, выплескивали свою энергию в думских речах, газетных намеках и кулуарных обличениях те, в чьей среде и вправду уже зревали заговоры.

Наиболее видным представителем этих кругов был член Государственного Совета А. И. Гучков. При этом сколько-нибудь ясной программы у него и его единомышленников, в сущности, не было – речь шла лишь о назначении министров по согласованию, а фактически – по желанию «общественности» (так называемое «ответственное министерство»), и вряд ли неправы были те, кто считал главной движущей силой Гучкова «его авантюристическую натуру, непомерное честолюбие... ненависть к современному режиму и к Государю Императору Николаю II и т. п.», то есть черты, ничего общего с заботой о России не имевшие. Сам он впоследствии признавал подготовку дворцового переворота, рассказывая о своих намерениях перехватить Императорский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом и принудить Государя к отречению в пользу Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Что за этим должно было последовать и почему такая перемена должна была явиться благотворной – не обсуждалось и даже, кажется, не обдумывалось.

Произвести переворот предполагалось при участии офицеров запасных частей Гвардии, однако сколько-нибудь широкой вербовки заговорщиков фактически не проводилось. Не представляются заслуживающими доверия и многочисленные рассказы о вовлечении в заговор чуть ли не всего высшего командного состава армии и флота.

Одним из первых в этом ряду называют имя генерала Алексеева, но конкретных фактов, подтверждавших бы эту версию, не приводится, запись в опубликованном дневнике современника о «зреющей конспирации» выглядит позднейшей вставкой, да и сам Гучков не считал Михаила Васильевича «своим человеком», рассказывая полтора десятилетия спустя о своих письмах начальнику Штаба Верховного: «не ожидаю ответов и не получаю их».

Сам факт получения этих посланий тоже впоследствии инкриминировался Алексееву, не доложившему о них Императору и якобы нарушившему

*Генерал-от-инфантерии
М.В. Алексеев
в Штабе Юго-Западного фронта,
Холм, 1915 год*

этим присягу. Таким образом, подразумевается столь угрожающий для Престола характер писем, что сокрытие их уже представляло собою преступление. Версию эту, однако, развеивает обращение к тексту документов.

Нельзя не признать, что письма составлены Гучковым довольно хитро. Основной их объем посвящен частным вопросам (заказу полевых биноклей на Обуховском заводе и винтовок – в Англии, качеству союзных поставок, «премиальной системе» на заводах артиллерийского ведомства), которые могли быть не-

безынтересны начальнику Штаба, но отнюдь не требовали доклада Верховному Главнокомандующему: если Гучков справедливо возмущался вынесением вопроса о биноклях на заседание Совета Министров – «Вы подумайте: правительство и бинокли. И когда меня будут спрашивать, как водится, что же делает правительство, я буду знать, что отвечать: оно заказывает (или, вернее, не заказывает) бинокли», – то тем менее он должен был относиться к заботам Императора Всероссийского.

Гораздо важнее были другие фразы из писем – о неразумных действиях правительства, которые «как будто диктовались из Берлина», «жалкой, дрянной, слякотной власти», «возмущенном настроении народных, особенно рабочих масс», якобы чреватом пожаром, «размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать». Но эти реплики и туманные намеки на то, что «Вы одни можете, если вообще кто-нибудь может», что-либо сделать (вновь не указывая, что именно), были слишком «проходными», волнение автора писем казалось искренним и сам он просил извинения за свою «горячность», да, наконец, что вообще должен был доложить начальник Штаба Верховного Главнокомандующего своему Государю? Что член Государственного Совета Гучков дерзит в частной переписке, да к тому же односторонней (безответной)? Но оба, и Николай II, и Алексеев, были взрослыми, разумными и слишком обремененными настоящими заботами людьми для столь анекдотического доклада.

В том-то и заключался смысл писем, получение которых не должно было подтолкнуть генерала к отмежеванию от их автора, но создавало для стороннего наблюдателя (копии были пущены по рукам) иллюзию причастности Михаила Васильевича к чему-то оппозиционному. «Он был настолько осве-

домлен, что делался косвенным участником», – скажет потом Гучков, бросая, однако, на Алексеева незаслуженную тень: осведомленность генерала не только о целях заговора, но и о самом его существовании была мнимой.

В то же время Алексеева должны были волновать как бы неволью срывающиеся с пера Гучкова грозные предупреждения о народном недовольстве. Мог ли он оставить без внимания точку зрения высокопоставленного общественного деятеля, близко общавшегося с представителями как промышленников, так и рабочих, – тем более что неоднократно сменявшиеся за годы войны министры и вправду были чрезвычайно далеки от совершенства, отнюдь не представляя собою той опоры Престолу, на которую вправде был рассчитывать назначавший их Государь? Скептически относился Михаил Васильевич и к ближайшему окружению Императора, вскоре действительно доказавшему свою никчемность, а слухи о влиянии Г. Е. Распутина на важные государственные назначения вкупе с потоками грязи, изливавшимися досужими клеветниками на «нашего Друга», как называла его Императрица Александра Феодоровна, – не могли не беспокоить Алексеева. (К чести генерала следует отметить, что он не побоялся высказать свое мнение лично Государыне, на Ее предложение о посещении Ставки Распутиным решительно ответив, «что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба»). Возможно, Алексеев пребывал в заблуждении относительно состояния страны, внутренняя жизнь которой ему, погруженному во фронтовые заботы, была известна недостаточно хорошо, – однако свои взгляды он, как это и подобает военному человеку, выражал не в докладах о «крамольной» переписке (доносительство вообще никогда не было в чести у русского офицерства), а от своего собственного имени, – «по долгу верноподданного, по данному мною обещанию говорить и докладывать Вашему Императорскому Величеству правду, как бы ни была она тяжела».

Впрочем, мнения современников и историков о взглядах генерала на необходимые перемены в управлении страной расходятся коренным образом: если одни представляют его сторонником «ответственного министерства» (лозунга и фетиша либеральной общественности), то другие апеллируют к поданному Михаилом Васильевичем докладу о желательности учреждения «диктатуры тыла» – особого поста «верховного министра государственной обороны», которое могло привести к значительному ограничению думской и общественной деятельности на время войны. Военному человеку, наверное, больше должна была импонировать идея милитаризации промышленности и путей сообщения, жесткая дисциплина и единоначалие – словом, «диктатура тыла»; но и «ответственное министерство» могло казаться вполне приемлемым, коль скоро облеченные «народным доверием» думские лидеры так уверенно гарантировали его умиротворяющее и стабилизирующее воздействие на фактически безначальный и оттого колеблющийся тыл. По-видимому, для генерала Алексеева главным было спокойствие за спиной сражающейся армии и возможность победоносно окончить войну, а какими путями это достигалось бы – оставалось вопросом второстепенным.

Особо отметим, что и надежды на «ответственное министерство», якобы высказываемые Алексеевым, и его доклад об учреждении поста «верховного министра» никак не соотносятся по времени с письмами Гучкова, предшествуя им и, таким образом, будучи независимыми от посторонних влияний. Преувеличивается и роль гучковских посланий в якобы наступившем охлаждении Государя к Михаилу Васильевичу, поскольку сплетники относили это

охлаждение к концу 1916 года, когда действительно ухудшилось, и резко ухудшилось, не отношение Императора, а состояние здоровья Алексеева.

Уже давно подрывавший свои силы непомерными трудами, он окончательно надорвался к октябрю. «Сердце оказалось гипертрофированным, пульс 40 ударов в минуту, напряженный, кровяное давление 190 мм по R. R.», – отмечали врачи. Пытавшийся работать несмотря на обострение болезни и начавшееся воспаление почек, генерал скоро довел себя до крайне опасного состояния: навестивший больного 7 ноября Протопресвитер Армии и Флота отец Георгий Шавельский счел его уже умирающим. Михаил Васильевич выразил желание причаститься на следующий день, в свои именины (Собор Архангела Михаила), и отец Георгий навсегда запомнил слова, сказанные им перед Святым Причастием:

«Я смерти не боюсь. Судит Бог умереть, – умру спокойно: в жизни я не искал своего, все свои силы и весь свой разум я отдавал Родине. Спасет меня Господь, – снова отдам Родине все свои силы, всю жизнь свою».

После причащения состояние больного сразу улучшилось. Предстательством Архистратига (военачальника) Небесных Сил Бесплотных, Господь сохранил раба Своего Михаила, казалось, уже на пороге смерти. Бог миловал его уже не впервые: еще командиром роты Алексеев едва не был убит на стрельбище случайным выстрелом, а в 1911 году попал в автомобильную катастрофу, оба раза чудом оставшись в живых. Теперь же для дальнейшего лечения генерал был по настоянию Государя 20 ноября отправлен в Севастополь, рекомендовав на свое место генерала-от-кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, и в этом выборе сказалась широта взглядов Алексеева: один из талантливейших русских генералов, Гурко уступал многим другим по старшинству в чинах и должности. В то же время, не желая совсем терять связи с войсками, в чем его поддержал и Император, – Алексеев продолжал по прямому проводу постоянно получать информацию о происходившем.

Туда же, в Севастополь, к генералу приехали, как писал впоследствии с его слов А. И. Деникин, «представители некоторых думских и общественных кругов», уже открыто заявившие о назревающем перевороте, – просившие, впрочем, не содействия, а лишь консультации – как отнесется к этому Армия. Алексеев «в самой категорической форме» просил не делать рокового для Армии и России шага и получил заверения, что готовящиеся события будут предотвращены. Однако...

«Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, – рассказывает Деникин, – но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за сим посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

Небезынтересно, впрочем, что Брусилов, в свою очередь, вспоминал о «доходивших до него сведениях» о перевороте и о том, что «главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну» (ожидать такого от Алексеева было совершенно невозможно, и Брусилов поэтому «не верил этим слухам»); Рузский же в дни Февральского мятежа скажет Императору, «что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки». Очень похоже, что каждому из трех информированных генералов заговорщики говорили про согласие по меньшей мере одного из двух оставшихся, и сомнения здесь может вызывать лишь фигура Рузского: Алексеев был слишком консер-

*В Ставке Верховного
главнокомандующего, 1916 год.
Император Николай II,
генералы
М.С. Пустовойтенко
и М.В. Алексеев
(слева направо)*

вативным и честным, а «Главколис» Брусиллов — слишком расчетливым и хитрым, чтобы примкнуть к этой, становившейся уже явной, «конспирации». Однако то, что произошло вскоре, оказалось неожиданностью не только для фронтowych генералов, но и для тех тыловых деятелей, которые намеревались дирижировать «назревающими событиями».

* * *

Не вполне еще оправившись от болезни вернулся Алексеев в Ставку 17 февраля 1917 года. Для принятия дел от своего временного заместителя и фактического вступления в должность ему только и должно было хватить тех последних десяти дней относительно спокойного существования Ставки, за которыми наступил период, когда, по словам Михаила Васильевича, «оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне-политическая¹⁰ сторона...»

23 февраля, когда Император Николай II прибыл в Ставку из Царского Села, в оставленном Им Петрограде уже начинались волнения, и в следующие дни положение только ухудшалось. Перебои с доставкой хлеба вывели на улицы толпы протестующих, вызванные войска сами колебались и вряд ли могли явиться опорой порядка в столице, а вскоре стали явно присоединяться к митингующим. Начались убийства офицеров. Это еще не было революцией, но бунт уже был налицо.

Толпы можно было смирить кнутом и пряником, немедленной виселицей для зачинщиков и агитаторов и безусловным прощением тем, кто оказался вовлеченным в волнения и теперь чувствовал себя скованным круговой порукой. Однако не было сделано ни того, ни другого: Правительство и командование Петроградского военного округа не знали, что предпринять, а деятели Государственной Думы, к тому времени распущенной Высочайшим указом, решили, что сложившаяся обстановка, отменяя планы готовящегося дворцового переворота, позволит им получить власть быстрее и решительнее. Председатель Думы и глава ее самочинно сформированного «Временного Комитета» М. В. Родзянко бросился к прямому проводу, забрасывая Ставку сообщениями, в которых фанфаронство мешалось с паникой, искреннее непонимание ситуации — со злонамеренным искажением фактов.

Столичный военный округ не входил в сферу деятельности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, дисциплинарные и административные права которого при живом Верховном были, как уже говорилось, весьма ограниченными. Не слушая отчаянных просьб Алексеева, опустившегося перед Государем на колени, Император 27 февраля принял решение немедленно покинуть Ставку и направиться в Царское Село, где находилась Его Семья. Армия же при этом фактически оставалась обезглавленной.

Пока Император еще находился в Ставке, удалось, однако, принять несколько важных решений. «Теперь, – говорил Алексей, – остается только одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград...» Авангардом должен был двинуться из Ставки батальон, укомплектованный Георгиевскими кавалерами, во главе с полковником Н. С. Тимановским, будущим героем Добровольческой Армии. Главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями был назначен Государем генерал Н. И. Иванов, который должен был выехать вместе с Георгиевцами. «...В его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки, – требовал Алексей. – Нужно назначить прочных генералов... в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников». Такие же силы должен был выделить Западный фронт – второй по близости к столице. В согласии с Монаршей волей, генерал Алексей делал все, чтобы подавить мятеж вооруженной рукой.

Покинув Ставку, Государь оказался отрезанным от Своего Штаба и Армии. Его поезд был остановлен на пути к Царскому Селу, причем окружавшая Императора высокопоставленная придворная челядь проявила преступное бездействие, не приложив никаких усилий, чтобы «протолкнуть» состав по назначению, и на все грядущие роковые дни избрав для себя благоразумную тактику – плыть по течению. Завернутый с полдороги Императорский поезд 1 марта направился во Псков, в Штаб Северного фронта, Главнокомандующий которым генерал Рузский с первых же слов заявил о необходимости сдать «на милость победителя», почитая таковым петроградские мятежные толпы и Временный Комитет Государственной Думы, устами Родзянки уже требовавший отречения. А в это время в Ставке больной, едва державшийся на ногах Алексей – медицински засвидетельствовано, что его болезнь обострялась под влиянием волнения, – переживал, быть может, самые страшные часы своей жизни. Родзянко из Петрограда то успокаивал, будто ситуация взята под контроль (это было ложью), то паниковал, взывая, что отречение в пользу Цесаревича Алексея Николаевича остается единственным способом спасти Россию. На плечи Алексеева ложилась тяжелейшая ответственность... и вновь становилось неясно, кем же он, собственно, в этот момент был!

Когда говорят, что «генерал Алексей мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию... У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем Его Величества. Фронт находился в его руках, а Государственная Дума и ее прогрессивный блок – не решились бы ослушаться директив Ставки», – с этим можно согласиться только в одном случае: если бы Алексей твердо считал Императора лишенным свободы действий.

Начальник Штаба без распоряжения «сверху» вступает в исполнение должности Главнокомандующего только в случае неожиданного, так сказать, катастрофического выбытия последнего из строя. Ситуации «междувластия» военными законами отнюдь не было предусмотрено, так же как и «междущарствия» – законами государственными. Но были ли основания у начальника Штаба Верховного предполагать это? Из Пскова приходили телеграммы за подписью Государя, Рузский передавал Ему телеграммы из Ставки, и считать Николая II пленником Алексеев вряд ли мог. А лишь при этом условии, повторим, имел он и моральное, и юридическое право действовать самостоятельно – да и тогда вопрос о полномочиях фронтового начальства в тыловых округах оставался открытым. Фактически взять на себя ответственность решительного вмешательства в происходившее – для Михаила Васильевича значило *самому стать бунтовщиком...*

Ну, а уж к этому он безусловно не был готов. Отнюдь не авантюрист по натуре, к тому же придавленный многомесячным несчастным опытом «главнокомандующего без власти» и «исполнителя без ответственности», вполне способным в решительный час парализовать волю, к тому же тяжело больной, – Михаил Васильевич Алексеев был смят страшными событиями так же, как был ими смят Император Всероссийский Николай Александрович.

Родзянко уже кричит, что в столице все рушится. За спиною Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки, генерал А. С. Лукомский (сменивший при Гурко генерала Пустовойтенко) телеграфирует во Псков: «...По моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться», – подсказывая в качестве инструмента давления на Государя угрозу безопасности горячо любимой Им Семьи, остающейся в Царском Селе. Рузский в ответ также настаивает на отречении и просит узнать мнение остальных Главнокомандующих фронтами. И сломленный Алексеев поручает составить такой запрос... тому же генералу Лукомскому.

Теперь ничего уже не изменить. «...Династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича... Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству...» – подсказывает адресатам желательное решение Лукомский... и Алексеев подписывает.

Конечно, поставив свою подпись, генерал перед Богом и людьми принял на себя ответственность за каждое слово злополучной телеграммы; но будем справедливы – в критические минуты, оказавшись ложно информированным из Петрограда и Пскова и, быть может, недостаточно отдавая себе отчет в значении Императорской власти для России, – не вызывает ли генерал Алексеев при всем этом и уважения тем, что не находит для себя возможным уклониться от подачи своему Государю совета, пусть горького и, как покажет ближайшее будущее, ошибочного? Обличители, вспоминая о верности присяге, могли бы подумать и о том, что нарушить присягу можно как действием, так и бездействием (что предпочли столичные власти или наполнявшие Царский поезд приближенные Его Величества). Снова, как и ранее, «*по долгу верноподданного, по данному обещанию* говорить правду, как бы ни была она тяжела»,

генерал Алексеев высказывает то, что он думает или с чем он согласен. Он ошибся, как ошиблась вся мятущаяся Россия, с легкостью принявшая отречение – страшную жертву Благоверного Императора; но одним из первых Михаил Васильевич и прозрел свою ошибку, уже на следующий день из очередных телеграмм Родзянко убедившись, что доверять его честности и компетентности нельзя, и горько посетовав: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму Главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола». И один из тех, кто неволью приближал русскую трагедию, – он теперь будет делать все, чтобы остановить ее.

Но это будет 3 марта. А 2-го Главнокомандующие поддержат идею отречения, и специальным актом Государь Император Николай II передаст Престол Своему брату, Великому Князю Михаилу, в свою очередь отложившему принятие Верховной Власти до решения Учредительного Собрания. Вместо власти в России осталось самозванное «Временное Правительство», чья относительная легитимность определялась лишь назначением его главы – князя Г. Е. Львова, которое успели провести Высочайшим распоряжением...

Вечером 3 марта отрекшийся Император возвратился в Ставку. Алексеев, по словам одного из его сотрудников, «решил обставить встречу Государя так, чтобы хотя бы здесь, в бывшем своем штабе, не почувствовал он ослиного копыта». По-прежнему утром 4-го он прибыл для своего обычного доклада, хотя Государь уже не являлся Верховным Главнокомандующим (на эту должность Им вновь был назначен Великий Князь Николай Николаевич, приезд которого ожидался в ближайшие дни). Доклады повторялись, вызывая резкое недовольство Алексеевым со стороны новой власти; а утром 9-го, в день отъезда Николая II в Царское Село (где Он уже должен был находиться под стражей), и тоже вопреки желаниям петроградских «правителей», Михаилом Васильевичем были собраны все, кто хотел бы попрощаться со своим Государем.

...Никто не знает и не узнает никогда, что было на душе у Императора Николая Александровича в те дни, когда Он принимал столь значимое для России решение. «Сердце Царево в руке Божией», и Государь, человек глубоко религиозный, именно так смотревший на Свое призвание и расценивавший долг правителя как тяжкий крест, возложенный на Него Творцом, должен был пережить глубочайшую внутреннюю драму – екатеринбургской Голгофе предшествовала псковская Гефсимания. Открывалась ли Помазаннику Божьему трагическая судьба Его страны? Вымолил ли Он покров Божией Матери над Россией, свидетельством чего стало в дни отречения чудесное явление иконы Богородицы «Державная», на которой Заступница предстает восседающей на троне, со скипетром и державою в руках? Это ли была единственная смена на том посту, где часовыми столетия стояли Русские Цари?

На всех надвигается что-то страшное, и теперь знание об этом Государя передается окружающим Его. «Никогда не наблюдал я такой глубокой, полной, такой мертвой тишины в помещении, где было собрано несколько сот человек», – напишет потом очевидец, но вскоре эта тишина нарушится и, разлетевшись на куски, как прозрачная стеклянная стена, исчезнет, когда Государь начнет обход выстроившихся чинов Ставки, Конвоя и Георгиевского батальона.

Зала оглашается рыданиями. Плачут, бьются в истерике боевые офицеры. Падают в обморок здоровяки-конвойцы. Государь пытается улыбаться, но вместо улыбки выходит «какая-то гримаса, оскаливавшая ему зубы и иска-

жавшая лицо»; не окончив обхода, Он направляется к выходу, всхлипывания и истерические вскрики не прекращаются, и среди них теряются растерянные и взволнованные слова генерала Алексеева – «А теперь, Ваше Величество, позвольте мне пожелать Вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни»...

Это уже стадо, потерявшее Пастыря; но, наверное, и в эти минуты никто еще не понимал со всею отчетливостью, что именно сейчас Россия начинает свой путь к Гражданской войне.

* * *

Генерал Алексеев занял по отношению ко Временному Правительству абсолютно лояльную позицию. Так, он не передал в столицу телеграмму Государя, в которой, во изменение акта 2 марта, изъявлялось согласие на вступление на Престол Цесаревича Алексея; более того, именно начальнику Штаба Верховного выпало объявить Николаю II распоряжение из Петрограда о взятии Его под стражу. Организовав рассылку по войсковым соединениям, до командиров корпусов, прощального приказа бывшего Верховного Главнокомандующего, Михаил Васильевич не смог и воспротивиться остановке его дальнейшего распространения новым военным министром Гучковым, очевидно обеспокоенным обаянием Царственного Страстотерпца, которое пронизывало документ, призывавший Действующую Армию к продолжению борьбы с внешним врагом во имя Веры и Отечества... Нет оснований, однако, считать эти действия следствием какого-либо глубокого исповедания Алексеевым республиканских убеждений или программы новой власти, тем более что последней фактически еще не было сформулировано; речь шла скорее о внутреннем ощущении, что произошедшее с Россией уже необратимо и теперь следует думать о том, как жить в новых условиях и можно ли овладеть выходящей из-под контроля ситуацией. Пожелания же «благополучного путешествия и счастливой жизни» отрекшемуся Монарху в устах генерала были следствием доверия к телеграмме главы Временного Правительства князя Львова, обещавшей Николаю II беспрепятственный проезд на Мурман, как предполагалось – для дальнейшего следования в Англию, где жизнь Его и Его Семьи была бы в безопасности. Лишь со временем стало известно, что предательская позиция Короля Георга V по отношению к своему родственнику и работе Временного Правительства перед радикально настроенными левыми элементами исключили эту возможность спасения Государя.

Алексеев и ранее смотрел в будущее без особого оптимизма, даже в случае победоносной войны волнуясь о проведении массовой демобилизации Действующей Армии. «Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, которого никто не остановит», – говорил он; а теперь военачальнику, опасавшемуся эксцессов радостной толпы и подозревавшему, что их может не выдержать выстоявшая в войне Империя, предстояло увидеть воочию, сколь страшна толпа озлобленная, развращаемая и поощряемая к самым чудовищным буйствам одними политическими силами при безвольной пассивности или робком потакании других.

Еще накануне отречения Государя самочинно собравшаяся в Петрограде группа леворадикально настроенных интеллигентов, присвоившая себе наименование «Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», опубликовала печально известный «Приказ № 1», натравливавший нижних чинов на офицеров и разжигавший рознь в армейских

рядах. Не лучше повели себя и некоторые представители генералитета, быстро пошедшие на поводу у слепой разъяренной стихии и в угоду ей приступившие к разработке «Декларации прав солдата», внесшей в войска смертельный яд – разрешение членства в любых политических партиях и организациях и абсолютную свободу их агитации, чем Армия буквально раздиралась на куски. Возглавлявший комиссию по реорганизации вооруженных сил генерал Поливанов, в очередной раз приспособившийся к обстановке, даже приезжал к Алексееву с убеждениями отменить приказ о предании военно-полевому суду действовавших в войсках агитаторов-пораженцев, а когда ему в этом было отказано, сверху были просто... отменены сами военно-полевые суды... Солдатский комитет, в основном из писарей и прислуги, появился и в Ставке, однажды своей наглостью выведя из равновесия даже сдержанного Алексеева, порывавшегося «взять взвод полевых жандармов и перестрелять этих ...».

Предупреждения, что Правительством и Совдепом взят неверный, губительный для страны курс, не достигали цели. «Пути у нас могут быть различны, но цель одна – кончить войну так, чтобы Россия вышла из нее хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной, – взывал Михаил Васильевич 4 мая на совещании Главнокомандующих фронтами с министрами и советскими деятелями. – ...Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа... Об интересах родины и ее будущем забывается... Реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину... Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал». Но генерал ошибался в главном: для его собеседников, даже тех, кто искренне желал победы в войне и какого-то не вполне определенного «счастья» для России, эти вопросы стояли глубоко на заднем плане, уступая первые места неприкосновенности партийных догм («демократизация», «народовластие», «гражданские свободы»), во имя которых они готовы были полностью игнорировать и реальные условия, и правила ведения войны, и будущее державы. Для военной же власти, пытавшейся спасти разрушаемое, оказались потерянными первые, самые, быть может, драгоценные недели «медового месяца революции».

Немало резких критических слов было сказано впоследствии в адрес генерала Алексеева, «безвольного», «растерявшегося», «выпустившего из рук управление армией». Но, признавая за ними определенную правоту, – даже глубоко уважавший Алексеева Деникин считал, что «грозный окрик верховного командования, поддержав сохранение в первые две недели дисциплины и повиновения армии, быть может, мог поставить на место переоценивший свое значение Совет, не допустить “демократизации” армии и оказать соответственное давление на весь ход последовавших событий», – мы вынуждены вновь обратить внимание на злополучную судьбу Михаила Васильевича, как бы задавшуюся целью все время делать его положение неопределенным и неустойчивым.

Великий Князь Николай Николаевич, еще не успев приехать в Ставку и вступить в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего, был остановлен письмом князя Львова, утверждавшего, будто «народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности». Идя навстречу «народному мнению» (как выяснилось позже, фальсифицированному), Великий Князь 11 марта сложил с себя звание Верховного. Российская Армия вновь оказалась без вождя.

Ставка, апрель 1917 года (слева направо): А.И. Деникин, М.В. Алексеев, адъютант Алексеева полковник Драхте, секретарь Алексеева военный чиновник Голембиевский, личный врач Алексеева Н.Н. Кельин (племянник Алексеева), адъютант Деникина

Теперь по всем законам начальник Штаба должен был заместить отсутствующего Верховного; однако нельзя сбрасывать со счетов как тяжелый опыт предыдущих лет войны, отнюдь не располагающий Алексеева к проявлению инициативы, и подавляющую все душевные силы обстановку сегодняшнюю, так и непрочное положение, в котором оказывался генерал. Его кандидатура на высший военный пост в стране многим представителям новой власти (в первую очередь – Родзянке) казалась весьма спорной, и решение вопроса было вольно или невольно затянута на три недели в период, когда каждый день был на счету, грозя необратимыми переменами. Лишь 2 апреля состоялось назначение генерала-от-инфантерии Алексеева Верховным Главнокомандующим, а чуть больше месяца спустя он уже явно стал неуютен Временному Правительству.

Помимо упомянутого выше выступления на совещании 4 мая, немалую роль в этом сыграла и речь Михаила Васильевича на открытии 7 мая в Ставке офицерского съезда, 300 делегатов которого, представлявшие в основном фронтовой командный состав, напряженно ждали от вождя Армии оценки положения и идей, вокруг которых можно было бы сплотиться.

«Россия погибает, – с болью говорил старый военачальник. – Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть...»

...Где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?..

Где любовь к родине, где патриотизм?

Написали на нашем знамени великое слово “братство”, но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии – офицерами и солдатами...

В настоящее время – это общая болезнь – хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки...

Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасти ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе».

Речь, в сущности, не содержала никаких конкретных политических призывов; но резкое неприятие партийности, искренний патриотизм и обаяние говорившего делали ее опасной в глазах Правительства и Совдепа, а организация на съезде Союза офицеров с местопребыванием его Главного Комитета в Ставке – вызывали прямые подозрения в подготовке «контрреволюционного заговора». И телеграммой от 21 мая Алексеев был назначен «в распоряжение Временного Правительства» и вызван в Петроград. Генерал подал в отставку и 24-го прошел медицинское освидетельствование, диагностировавшее пиелонефрит и подтвердившее, что больной «продолжать дальнейшую военную службу безусловно не может и нуждается в постоянном врачебном уходе за собой». Такую настойчивость, помимо объективных причин, можно объяснить и оскорбительной формой, в которую было облечено отрешение Алексеева от должности («Пошляки! Рассчитали, как прислугу...» – сказал он со слезами горькой обиды на глазах).

Подчас не без тайного злорадства это подается как своеобразная расплата Алексеева за его поведение во время Февральского переворота. «Сделавший свое дело» генерал был якобы отброшен за ненадобностью теми, кто воспользовался его содействием в дни отречения. При этом игнорируется лишь реальное состояние государственной власти весной 1917 года, все ухудшавшееся и в дальнейшем.

«Власть, собственно, все время находилась ни в чьих руках... – подводил итоги первого полугодия «свободной России» один из министров-социалистов Временного Правительства. – Говорят, идет борьба за власть. Но власть представляет сейчас такую вещь, от которой все стараются отойти, откреститься, и нет ни одной группы общественной, которая стремилась бы захватить власть». Генералитет и офицерство сохраняли лояльность к Временному Правительству (в лице лучших своих представителей – во имя борьбы с внешним врагом и во исполнение прощального приказа Государя); Правительство действовало с постоянной оглядкой на Совдеп, предпочитая потакать развалу страны и Армии, лишь бы не подвергнуться его нападкам, в большинстве случаев чисто демагогическим; Совдеп же сознательно отталкивал от себя власть, дабы не принять вместе с нею и ответственность за будущее России, и играл роль стороннего, но от этого не менее резкого и агрессивного критика практически всех начинаний Правительства. Слабые и растерянные члены последнего, в сущности, не были способны «отбросить» кого бы то ни было, ибо сами один за другим уходили под натиском того, что они определяли как «стихию» – стихию анархии, демагогии и безответственности. А тем временем на политической арене все большую и большую силу начинали забирать те группы, которые проповедовали еще более радикальную ломку всей жизни страны и уже примеривались к захвату власти. Этот враг мог спасовать только перед силой оружия, и генерал Алексеев, после отрешения от должности уехавший в Смоленск к семье, пристально наблюдал за развитием событий и людьми, от которых можно было бы ожидать активных действий.

А дело определенно шло к открытой борьбе. На смену безалаберности и хаосу, охватившим русское общество весной 1917-го, приходила постепенная

поляризация сил – откровенно анархических, разрушительных – с одной стороны, и консервативно-охранительных, государственных – с другой. Сменивший Алексеева генерал Брусилов, потакавший революционной толпе и шедший на поводу у Временного Правительства, недолго продержался на посту Верховного Главнокомандующего; зато пришедший на его место Л. Г. Корнилов выглядел тем человеком, вокруг которого смогут объединиться все здоровые силы страны.

«Думаю, что назначение Корнилова будет приветствуемо и штабом, и оставшимися честными и верными войсками, – записывает в дневнике Михаил Васильевич. – ...Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование...» Интересно, что собственно полководческие способности Лавра Георгиевича Алексеев оценивал весьма скептически: энергия и порыв Корнилова, подчас безрассудно-дерзкие, настораживали Михаила Васильевича, но сейчас он приветствовал назначение его Верховным, ибо сама эта должность в тех условиях становилась не только военной, но и политической.

А объединение и концентрацию всех сил Алексеев, похоже, считал в те дни задачей первоочередной. Еще в мае он писал: «Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования». В конечном итоге именно по этому пути и пошло Главное Командование, поощряя выделение боеспособных элементов в специальные «штурмовые батальоны» и «ударные части». Впрочем, не только практика, но и сами принципы их использования разочаровывали Алексеева, находившегося к тому времени уже не у дел: «...Бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть». Сохранение этих отборных кадров русского воинства могло стать козырной картой и в политической игре, очередной партией которой стало Московское Государственное Совецание.

В своем выступлении 15 августа Михаил Васильевич, обрисовав язвы, разъедающие армейский организм (Приказ № 1, Декларация прав солдата, комитеты и проч.) и подчеркнув нарастающую угрозу со стороны тех, «кто выполнял веления немецкого генерального штаба и в карманах которых мелодично звенели немецкие марки», предостерегал: «Полумеры будут только расширять и углублять тот развал, которым полна наша армия. Истинная воинская дисциплина для всех, носящих военный мундир, должна поглотить собою дисциплину партий и групп». Слова бывшего Верховного Главнокомандующего звучали в унисон с выступлением нынешнего – генерала Корнилова, и в унисон звучали, должно быть, и многие их мысли, что можно заключить из состоявшегося в те же дни диалога между генералами, в котором, по рассказу А. И. Деникина, прозвучали и такие многозначительные реплики:

Корнилов: «Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз – дело ваших рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше».

Алексеев: «Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче».

Эта цитата – явно отрывок большого разговора, состоявшегося в первые же часы по приезде Корнилова на Государственное Совецание, – становится понятной на общем фоне событий, определявших тогдашнюю внутривнутриполитиче-

Генерал-лейтенант С.Л. Марков, 1917 год

скую ситуацию и расстановку сил. Вооруженные демонстрации большевицки настроенных солдат и матросов 3–4 июля в Петрограде наглядно показали агрессивность намерений крайнего крыла социал-демократии, – а нерешительность Временного Правительства, не осмелившегося применить к ее вожакам адекватные меры, убеждала в том, что остановить сползание России в пучину анархии смогут лишь сами военные, уже без всяких надежд на содействие со стороны государственной власти.

Но воспользоваться оказавшимися в его распоряжении силами генералу Корнилову не удалось. В результате провокации главы Временного Правительства, Верховный Главнокомандующий был объявлен мятежником, а в самом Правительстве разразился очередной кризис. Для консультаций был срочно приглашен М. В. Алексеев...

Даже среди приближенных А. Ф. Керенского нашлись люди, считавшие кандидатуру старого генерала единственной, подходящей на роль главы преобразованного кабинета, фактически – диктатора. Но такая перспектива, конечно, отнюдь не могла удовлетворить самовлюбленного министра-председателя, присвоившего себе самому диктаторские полномочия вплоть до смехотворной для адвоката должности Верховного Главнокомандующего, а Михаилу Васильевичу предложившего пост... своего начальника Штаба. Важно подчеркнуть, что в «корниловские дни» явным стал бутафорский характер «объединения здоровых государственных сил», мгновенно попрятавшихся и не пожелавших противодействовать политике Керенского, который в борьбе против «генеральской контрреволюции» все теснее блокировался с Совдепом. Алексеев оказался в одиночестве, без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны государственных или общественно-политических деятелей или течений.

«Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном – Керенском... – со слезами говорил он офицеру-единомышленнику. –

Если не соглашусь, будет назначен Черемисов (генерал, зарекомендовавший себя активным сторонником «революционной демократии». – А. К.)... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что-же делать?»

Двенадцать дней – с 30 августа по 10 сентября 1917 года – когда генерал-от-инфантерии Алексеев был начальником штаба у присяжного поверенного Керенского, в глазах многих стали днями позора и бесчестия для старого генерала. Именно так оценил их и Корнилов – отказавшийся от мысли продолжать вооруженную борьбу, сдавший пост Михаилу Васильевичу, а затем и безропотно подчинившийся постановлению о своем аресте, но бросивший при этом своему преемнику резкие слова: «Вам трудно будет выйти с честью из положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому – толкнет Вас на бесчестный поступок...» Отношения между двумя генералами отныне и навсегда были безнадежно испорчены.

«Как мог Алексеев, основатель офицерского союза и всей этой организации в армии, которая имела своей конечной целью произвести военный переворот, как мог он поддержать Керенского, пойти к нему в Начальники Штаба и поехать в Ставку арестовать его, Корнилова?» – вспоминал современник негодование бывшего Верховного Главнокомандующего. При этом Лавр Георгиевич забывал о том, что Союз офицеров, как мы знаем, был уже передан ему Алексеевым, бывшим лишь духовным, но отнюдь не фактическим главою этой организации, – а также о том, что основным мотивом поступка Михаила Васильевича было стремление спасти жизнь Корнилову и его соратникам. Остановив же продвижение к Ставке науськанных Керенским отрядов красногвардейцев и разъяренной солдатни и организовав охрану арестованных «корниловцев» благожелательно настроенным к ним Текинским конным полком, генерал Алексеев покинул столь тягостный для него в сложившейся ситуации пост начальника Штаба Верховного. А тем временем Керенским под шумок был произведен и самый настоящий государственный переворот: 1 сентября 1917 года Россия, не дожидаясь не только решения, но даже и созыва Учредительного Собрания, была объявлена республикой...

Михаилу Васильевичу довелось принять участие и в последнем акте трагедии 1917 года, на фоне готовящегося вооруженного выступления большевиков стремительно вырождавшейся в фарс. От Союза офицеров он был делегирован во «Временный Совет Российской Республики», заседавший с 7 октября, – так называемый «предпарламент», вскоре получивший ироническое прозвище «бредпарламента» и, очевидно, по заслугам: даже известный революционер, один из создателей российской социал-демократии А. Н. Потресов констатировал той осенью: «Бедлам, а не единство представляет собой демократия, собранная в четырех стенах, заключенная в рамки единого общественного учреждения». И все большее и большее внимание Алексеев, находившийся в Петрограде с 16 октября, уделяет созданию новой офицерской и юнкерской организации, теперь уже тайной, для предстоящей борьбы с большевизмом и анархией.

Бессилие Временного Правительства и никчемность Временного Совета наглядно проявились 24–25 октября. Найдя Мариинский дворец, где заседал предпарламент, уже оцепленным большевицкими караулами, генерал еще успел поругаться с часовым, однако был вовремя спроважен офицером старой охраны и избежал ареста и расправы. К нему еще приходили представители юнкеров, с которыми Алексеев обсуждал возможность деблокирования обло-

женного Зимнего дворца, однако реализовать ее уже не удалось: последний оплот Временного Правительства был вскоре захвачен. До 30 октября Михаилу Васильевичу пришлось скрываться, а затем усилиями нескольких преданных ему членов организации удалось сесть на скорый поезд Петроград – Ростов-на-Дону.

«Тяжело и странно было смотреть на ген[ерала] А[лексеева] в столь несвойственной ему штатской одежде», – вспоминал адъютант Михаила Васильевича. Лишенный привычного воинского облика, старый военачальник, как и все русские люди, для которых слово «Россия» не было пустым звуком, был лишен в те дни и большего – своего Отечества, казалось, уже невозвратно уходящего в историю.

Теперь его предстояло завоевывать заново – и генерал Алексеев был готов к этому.

* * *

2 ноября Михаил Васильевич добрался до Области Войска Донского, где усилиями Атамана Каледина еще поддерживался относительный порядок, – впрочем, не более чем относительный. Попытки двух генералов организовать наступление на север столкнулись с сильной оппозицией в правительственных кругах Дона, а ближайшие недели показали и беспочвенность надежд на финансовую помощь обеспеченных кругов, еще имевших в этот период хаоса и анархии возможность распоряжаться своими средствами. Российская буржуазия, казалось бы, кровно заинтересованная в победе зарождающегося Белого движения, на деле отказывала ему в помощи. Так, миллионер Оловянишников в ответ на просьбу эmissаров с Дона о материальной поддержке прямо заявил: «Передайте Алексееву, что денег мы ему не дадим, пусть берет где угодно – в Англии, Америке, Франции...» Но надеяться на союзников тоже не приходилось – ведь еще весной 1916 года, отлично понимая их политику, Михаил Васильевич говорил: «Союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош?..» И это недоверие полностью оправдалось в Гражданскую войну, когда страны Антанты в лучшем случае отделивались подачками и в целом больше вредили белым, чем помогали им...

Такое отношение российской буржуазии объяснялось не только ее политической близорукостью – деньги, которые она пожалела для Алексеева, вскоре достанутся большевикам, – но и независимой позицией, сразу занятой Белыми вождями. Будучи просто честными солдатами (отнюдь не политиками!), многие – Алексеев, Корнилов, Деникин – выходцами из простонародья, они в своей борьбе за поруганную честь России не собирались становиться защитниками какого-либо одного класса, партии, общественной группировки. Они служили не каким-нибудь оловянишниковым, а России, и когда представители донской «демократической общественности» посмели спросить Алексеева, дает ли он какие-либо обязательства, получая пожертвования на нужды Армии, – в ответ они услышали гордые слова:

«Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую Армию купить нельзя!»

Через год после смерти Михаила Васильевича Виктор Севский с восхищением и горечью напишет о нем:

«Что было у генерала Алексеева на Дону в ноябре?

*Плакат, призывающий в ряды
Добровольческой Армии, 1919 год*

Чистый блокнот, в который он заносил по одному добровольцев, и четыреста рублей, данных на армию каким-то Мининым наших дней, тряхнувшим мощной на все четыреста», – и не достойно ли и в самом деле восхищения, что неустанными, неправдоподобными трудами этого престарелого и больного человека создается впоследствии настоящая армия – с пехотой, кавалерией, артиллерией, с броневиками, танками и аэропланами... Но пока до этого еще очень далеко. Пока бывший Верховный Главнокомандующий, еще недавно

имевший в своем подчинении многомиллионные людские массы, собирает в батальоны приходивших к нему поодиночке офицеров, юнкеров и кадет.

Немного было и соратников. Небольшая и неразветвленная структура «Организации кадров по воссозданию Русской Армии» (это громоздкое название вскоре в просторечии, а затем и в исторической литературе прочно заменится более простым и понятным: «Алексеевская организация») вполне соответствовала немногочисленности боевых частей – Алексееву удалось избежать соблазна раздутых штабов без подчиненных, которые в тот период нередко становились подлинным бичом всякого военного строительства. Десятка ближайших сотрудников вполне хватало для «вооруженных сил», исчислявшихся несколькими сотнями. Но в ряды их становились самые верные, самые доблестные, те, кто яснее всех почувствовал, что когда гибнет Россия, то нужно спасти ее хотя бы ценой собственной жизни, и поверил, что идея спасения Родины воплотилась сейчас в скромном старом генерале. Вместе с армией рождалась и идеология ее, получившая вскоре название Белой Идеи, хотя точнее было бы назвать ее Белой Мечтой.

Она была прежде всего идеологией оскорбленного национально-государственного и религиозного чувства. Поругание святынь, падение великой Державы не могли не возбудить в честных русских воинах ненависти к виновникам этого и желания им противостоять. Большевики однозначно воспринимались как пособники немцев: ведь один из разваливших Российскую Армию революционных лозунгов – «немедленный мир без аннексий и контрибуций» – оказывался фальшивкой, – германскому командованию нужны были именно аннексии и контрибуции, территориальные приобретения и выкачивание из разоренной России денег и сырья для продолжения борьбы на Западном фронте. И желания немцев были вскоре удовлетворены в результате позорного для России Брестского мира...

Целью генерала Алексеева и его соратников было – сделать Дон и Кубань той областью, откуда возобновится борьба с Германией и начнется собирание Русских земель. Каким должно было быть новое Государство Российское и

как конкретно будет развиваться борьба, Белые вожди, в сущности, сами ясно не представляли себе, и о неопределенности программы Алексеева в этот период хорошо свидетельствует его письмо одному из старых сослуживцев, занимающему ответственный пост в Ставке. В нем Михаил Васильевич говорит о необходимости «здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосуд[арственного]» и «приступить... к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы вооруж[енной] для будущей акт[ивной] политики». Таким образом, речь как будто идет о создании самостоятельного в экономическом отношении вооруженного лагеря – базы для предстоящей борьбы. Но вскоре из письма выясняется, что генерал рассчитывает на «размытость» границ между областями погрузившейся в хаос России (в том числе между «красными» и «белыми»), на то, что Ставка Верховного Главнокомандующего сможет продолжать свое существование и под властью большевиков и даже исполнять тайные функции представительства «Алексеевской организации», и проч. Несмотря на весь печальный опыт 1917 года и вообще свойственную Алексееву прозорливость, он фактически еще не отдает себе отчета в агрессивности внутренней политики большевиков (быть может, пока считая их просто «ухудшенным изданием» Керенского) и надеется на относительно длительную передышку – «междувластие» или даже «двоевластие». А этой передышки история России не дала.

На «калединский Дон» вскоре будут двинуты отряды Красной Гвардии и большевизированных солдат и матросов; не пройдет и двух недель со дня написания цитированного письма, как Ставка Верховного Главнокомандующего будет разгромлена озверелой толпой; уже в конце ноября новосформированным батальонам «Алексеевской организации» придется принять участие в первых боевых операциях на территории Донской Области... И в то же время даже в условиях разгорающегося пожара Михаилом Васильевичем закладываются принципы чистоты методов, соответствующей чистоте идеалов. Война не ведется в белых перчатках, но и принципа «цель оправдывает средства» принять тоже было нельзя. Так, на предложение организовать террористические акты против руководителей Совета Народных Комиссаров Михаил Васильевич отвечал решительным отказом, боясь вызвать этим большевистский террор против невинного населения столицы (а в это время большевики под руководством германской разведки готовили покушения на самого Алексеева и Каледина, к счастью, не состоявшиеся). Резко отверг Михаил Васильевич и предложение одного из молодых офицеров пополнить бюджет печатанием фальшивых денег, «сказав, что у нас святая цель и он никогда не пойдет ни на какой подлог, он верит в русский народ и убежден, что имущие классы пойдут к нему на помощь и средства будут, а офицерство исполнит свой тяжелый долг». И даже офицерский караул, самовольно явившийся охранять генерала ввиду слухов о готовящемся покушении, – он, не желая никого обременять беспокойством о собственной персоне, «пожурил и приказал впредь не выставлять к нему никаких караулов, и пригласил всех к себе пить чай».

Однако не для всех авторитет Алексеева был непререкаем, и особенно ясно это стало после появления на Дону бежавшего из-под стражи Корнилова. Рознь между двумя генералами грозила расколом и без того крохотных сил – по оценке Деникина, при уходе Алексеева еще не сформировавшаяся армия «раскололась» бы, при уходе Корнилова – «развалилась». В результате нервных и тяжелых переговоров Алексей сдал командование, оставляя за собою

только организационную работу и финансы. «Генерал в тужурке защитного цвета» вскоре потеряется в сиянии славы Корнилова, и не случайно полушутя-полусерьезно сказал однажды Михаил Васильевич: «Лавр Георгиевич забрал у меня все лавры и все Георгии...» Но старый полководец умел поступать собственным самолюбием для пользы дела, отлично понимая, что героическая личность и обаяние имени Корнилова очень нужны зарождающейся Армии. Мы уже знаем, насколько характерно было для Алексеева в течение всей его жизни спокойное самоотречение, и сейчас перед нами еще один пример этого.

Перспективы были отнюдь не радужными. «Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью», – писал Михаил Васильевич. И батальоны, на Рождество 1917 года получившие наименование Добровольческой Армии, в самом деле несли тяжелые потери в боях с численно превосходящим противником. Основные массы Донского казачества и скопившегося в Ростове и Новочеркасске офицерства не принимали участия в борьбе, и, провожая в последний путь убитых кадет, генерал Алексеев воскликнул: «Орлята погибли, защищая родное гнездо... Где же были орлы?!»

Убедившись в отсутствии поддержки на Дону, командование Добровольческой Армии 9 февраля 1918 года приняло решение двигаться на Кубань, где рассчитывали получить передышку и оттуда возобновить дело строительства России. Одним из главных инициаторов этого был именно Алексеев, ставивший перед Армией цели общегосударственные и в этом отношении не считавший себя привязанным к какому-либо одному региону или отдельной оперативной задаче. Трудности предстоящего похода были очевидны, и Михаил Васильевич в письме, написанном перед его началом, дал одно из лучших определений смысла не только этого похода, но и всего Белого Дела:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Возле станицы Аксайской части Добровольческой Армии по льду переправились через Дон. Историк Марковского Офицерского полка писал: «Переправу главных сил начал генерал Алексеев, который пешком, опираясь на палку и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон».

Весь Первый Кубанский поход – знаменитый Ледяной поход – М. В. Алексеев проделает на тачанке, взяв на себя финансово-административные заботы Армии. Полки поведут в бой другие – отчаянный Марков и осторожный Богаевский, пылкий Неженцов и хладнокровный Кутепов; будет руководить работой Штаба генерал Романовский и воодушевлять войска, на глазах становясь легендой, вождь Армии Лавр Георгиевич Корнилов... Но первым на зыбкий лед Гражданской войны ступил все же генерал Алексеев.

Чего стоил ему этот поход? Чего стоила ежедневная тряска на бричке, грубая пища, ночлеги в случайных хатах, неровная погода южной весны старику, уже в течение года вынужденному по несколько раз в день подвергаться катетеризации мочевого пузыря, больному человеку, чье состояние, по заключению квалифицированных врачей, имело «наклонность к частому обострению под влиянием охлаждения тела и психических моментов», и уже более полугода назад признанному «безусловно не могущим» продолжать военную службу даже в высоких штабах? И что давало ему сил для перенесения этих лишений?

«...На душе было тяжело, – вспоминает один из эпизодов Кубанского похода его участник. – Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил мне на мои мысли: “Господь не оставит нас Своею милостью”. Для Алексеева в этом было все». И вряд ли будет большою ошибкой сказать, что если Корнилов воодушевлял Армию, если строевые командиры вели ее, то Алексей не только заботился о ней, но и *молился за нее*.

Возможно, именно тем же чувством руководствовался генерал и на военном совете 30 марта, накануне штурма Екатеринодара – заветной и, как показали события, недостижимой цели Первого Кубанского похода. Предложение Алексеева отложить штурм – по мнению Деникина, «половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание» – выглядит совсем по-другому, если вспомнить о глубокой вере старого военачальника. Считая намерение Корнилова рваться напролом роковым для Армии («Тяжелый до самовлюбленности, самонадеянности не по уму и талантливости, завистливый до болезненности, К[орнилов] сошел со сцены в критическую минуту, которая и для него, быть может, явилась милостью Господней, – напишет он вскоре. – Продолжение его деятельности грозило на следующий день гибелью всего сохранившегося, гибелью всего дела»), – Михаил Васильевич, в сущности, своим «половинчатым решением» вверял Добровольческую Армию исключительно Божьему Промыслу.

Судьбу Белого Дела решил взрыв большевицкого снаряда утром 31 марта. Господь призвал к Себе воина Лавра, и вскоре генерал Алексей перед повозкой с телом убитого «сошел с коляски, отдал земной поклон праху, поцеловал в лоб, долго, долго смотрел в спокойное уже, бесстрастное лицо»... Вражда, если и не была изжита до конца, – становилась теперь достоянием истории.

«Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине», – воздавал должное Корнилову Алексей в приказе Добровольческой Армии, следующим параграфом которого предписывалось вступить в командование генералу Деникину. Новый Командующий вспоминал позднее о возникших при этом сомнениях:

«...От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексева? Романовский разрешил вопрос просто:

– Подпишите “генерал-от-инфантерии”... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексей».

* * *

От Екатеринодара Добровольческая Армия повернула на север, снова вступая в пределы Донской Области, уже испытывавшей за два с лишним месяца тяжесть большевицкого владычества и запыхавшей казачьими восстаниями. 23 апреля Командующим Армией было с ведома М. В. Алексева опубликовано «первое политическое обращение к русским людям», декларирующее неизменность целей и путей их достижения:

«Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти».

Однако слово «народоправство» и упоминание в тексте обращения «Все-российского Учредительного Собрания» вызвали ропот недовольства среди

офицеров-Добровольцев, большинство из которых в той или иной форме исповедовало монархические убеждения и связывало подобную фразеологию с прошлогодними страницами позора России. «Атмосфера в армии сгущалась», – признавал Деникин, в начале мая «кратко и резко» объявивший офицерам: «...Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию».

Эти слова вполне точно отражали основной смысл и пафос Белого движения на всех фронтах, во всех регионах России, от его зарождения до тех скорбных дней, когда последним бойцам пришлось оставить родную землю. Но внутри этой общей, доминирующей идеи, принимая ее, подчиняясь и руководствуясь ею, безусловно существовали и не смешивавшиеся между собою течения. Так, сам Деникин впоследствии различал свое собственное «непредрешение» будущего государственного и политического устройства России и «умолчание» генерала Алексеева, который также «не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя», но... делал это, «веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно».

В то же время Михаил Васильевич считал возможным и предпринимать, пусть пока негласные, шаги для подготовки народных настроений. Сюда можно отнести приглашение возглавить борьбу, направленное проживавшему в Крыму Великому Князю Николаю Николаевичу как едва ли не самому популярному в народе представителю Дома Романовых (бывший Верховный Главнокомандующий отказался), или такие мысли, изложенные на основании разговора с Алексеевым членом одной из монархических организаций:

«Как на Кубани, так и на Дону и в Ставропольской губернии в низах ждут, скоро ли будет царь, но это – затаенное мечтание... Безусловно, в смысле проявления общего желания необходимо много работать. ...Жители станиц и хуторов питаются слухами. Эту привычку больше верить слухам, чем газетам, отлично можно использовать в наших целях. Нищие и странники – отличные агитаторы... Конечно, эти люди должны быть заранее подготовлены.

Вот почему Генерал А[лексеев] не считает своевременным провозглашение монархического лозунга»¹².

Более того, монархические взгляды Михаила Васильевича в конечном счете разделялись и его ближайшими соратниками, и, конечно, не о себе одном говорил Алексеев, излагая позицию ее Командования: «...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица... Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа».

«Как Командный состав, так и большинство офицеров в армии – монархисты конституционалисты, – отмечал в секретной ориентировке для представителей Армии на местах и ее начальник Штаба, генерал И. П. Романовский, сам облыжно ославленный врагами «социалистом» и даже «масоном», – но армия не может носить никакой партийной окраски и потому под единый развевающийся над ней трехцветный флаг принимаются все любящие свою Родину и желающие ей служить, незави-

симо от их политической платформы...» Однако не только «страха ради иудейска», дабы не дразнить демократических гусей, руководители Добровольческой Армии неоднократно в той или иной форме упоминали о «народном волеизъявлении». Что же в действительности скрывалось за этими словами?

Прежде всего, не могло быть и речи об Учредительном Собрании созыва 1917 года: слишком уж фарсовым и явно предпочитающим партийные программы – интересам России оказалось оно, чтобы вновь доверить ему судьбы Отечества. «В общем процессе революции идея Учредительного Собрания мало-помалу отходит назад, – писал Алексеев одному из своих подчиненных 5 июля 1918 года, – и устройство государственного порядка произойдет, повидимому, какими-то иными путями... Необходимо считаться с существующим положением вещей, и поэтому лозунг “Учредительное Собрание” надлежит признать ныне уже мало действительным для практической работы...» Как же в таком случае быть с «волеизъявлением»?

Ответ можно увидеть в отчете делегации «Союза бывших солдат города Таганрога», в начале июня отправленной в Добровольческую Армию «для выяснения вопроса об отношении вождей Армии к форме будущего государственного устройства России». «Сначала нужно собрать Россию воедино, а затем говорить о формах государственного устройства¹³, – докладывали они своим товарищам. – При этом было высказано, что *народ в лице Армии, которая соберет Россию и восстановит в ней порядок*¹⁴, – скажет свое слово и об образе правления».

«В такой форме наверное не было сказано», – напишет некоторое время спустя на полях отчета генерал А. М. Драгомиров, один из ближайших сотрудников Алексеева и Деникина; однако в те дни, когда таганрогские «ходоки» выслушивали и запоминали высказывания Добровольческих вождей, – Драгомирова вообще не было в рядах Армии и свидетельство его потому не имеет большой силы. Что же касается сути столь обеспокоившей его формулировки, то она как раз представляется вполне правдоподобной: тяжело больная страна должна была пройти длительный период восстановления сил и в первую очередь – духовного здоровья, а до тех пор единственным гарантом стабильности обстановки могла мыслиться лишь сохранившая это здоровье, всесловная Добровольческая Армия – сама представлявшая собою, как в капле воды, отражение русского народа, всех его классов и социальных

групп, и в этом качестве действительно способная выступать его представительницей («народ в лице Армии»). Поэтому приходится считать, что на переходный период генералами, явно или неявно, планировалась военная диктатура, которая должна была подготовить путь к восстановлению монархии¹⁵.

Однако все это оставалось в частных беседах или секретной переписке, для всеобщего же сведения объявлялось о «народоправстве» и «Учредительном Собрании». И естественно, что такие лозунги не могли не вызывать во многих кругах беспокойства, выразителем которого стал один из лучших военачальников мировой войны, генерал граф Ф. А. Келлер.

«Объединение России великое дело, — писал он 20 июля Алексееву, — но такой лозунг слишком неопределенен, и каждый даже ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так [как] каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшееся можно только к одному определенному месту или лицу, Вы же об этом лице, которое может быть только прирожденный законный Государь, умалчиваете...

Я верю, что если Вы это объявите, то не может быть сомнения в твердости и непоколебимости такого Вашего решения, и верю в то, что Алексеев мог заблуждаться, но на обман не пойдет».

Обсуждение роли Алексеева в отречении Императора Николая II, что явно имел в виду Келлер, должно было больно ранить Михаила Васильевича, тем более что аргументация необходимости провозглашения монархического лозунга — Государь как оплот единства Державы — полностью соответствовала его собственным взглядам. Два генерала расходились между собою, в сущности, лишь в методах — в сроках открытого исповедания своей веры¹⁶, — и здесь Келлеру не удалось переубедить создателя Добровольческой Армии. В то же время «торопливость» графа («время не ждет») была следствием не только его принципиального и поистине рыцарственного монархизма, но и соображений сугубо прагматических, сиюминутных — опасений разыгрывания монархической карты... противниками России по Великой войне.

Оккупация германо-австрийскими войсками громадных территорий Прибалтики, Белоруссии, Малороссии и Новороссии стала закономерным результатом революционного развала русской армии и подрывной антигосударственной работы левых элементов, которых в 1917 году не смогли остановить ни Алексеев, ни Корнилов. Продолжая политику «разделяй и властвуй», немцы теперь подкармливали марионеточные и оттого не страшные им партии и «армии», провокационно использующие монархические лозунги самого крайнего толка, — и это, а также сохраняющийся германо-большевицкий альянс и традиционная поддержка Центральными Державами любых сепаратистов — расчленителей России, не в меньшей степени, чем слово, данное Государем Императором союзникам по Антанте, заставляли Добровольческую Армию — наследницу Армии Императорской — считать мировую войну не оконченной, а Германию, Австрию и Турцию — не просто политическими врагами, но и противниками на поле брани.

К счастью для Добровольцев, только что вернувшихся из тяжелейшего похода, изможденных, ведущих непрерывную борьбу против красных войск и не имеющих правильного снабжения, — они, неизбежно проигрывавшие в сравнении с относительно свежими, отвлекавшимися лишь на карательные операции оккупантами, были «отгорожены» от последних Областью Войска Донского, возглавлявший которое Атаман П. Н. Краснов, как и глава «Украинской Державы» Гетман П. П. Скоропадский, вел политику сосуществова-

ния и даже сотрудничества с немцами. Впрочем, камнем преткновения для различных «ориентаций» («союзнической» или «германской») в русском антибольшевицком лагере становилась не сама вынужденная необходимость существования, а ее формы, в дипломатических мероприятиях Краснова и Скоропадского переходившие все границы и слишком тесно привязывавшие Дон и Украину к боевой колеснице Германии.

«— Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством, — говорил генерал Алексеев руководителям Кубанского Казачьего Войска. — За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то... смотрите!..»

Голос Алексеева окреп, глаза загорелись:

— Россия будет жить... Перед всеми верными своими сынами она в долгу не останется... поймет, что было сделано как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет...

Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу:

— И я, если буду жив, и я вам этого не забуду».

И неудивительно поэтому, что на вопрос: «А если ваша армия соприкоснется с германскими войсками, что вы будете делать?» — старый генерал ответил: «Я уже отдал приказ не уклоняться в таком случае от боя». Упомянутое же выше неравенство сил заставляло уже в конце июля обсуждать возможность *партизанских действий* против оккупантов.

«Весь край (в первую очередь имелась в виду «Украинская Держава», уже покрытая сетью полу-конспиративных «Центров Добровольческой Армии». — А. К.) делится на районы. Районы — на отделы... Партизаны должны быть подвижными, строго дисциплинированными... Вся работа партизан должна идти по строгой системе и проводиться умело. Иначе край только залется кровью... Работа партизан должна быть направлена как на уничтожение живой силы противника, так и на уничтожение его складов, на затруднение его передвижений. Отвлечение сил противника от Западного фронта — вот основная задача партизан», — излагал собеседник Алексеева содержание разговора с ним. Подобные инструкции неоднократно повторялись и впоследствии; так, 7 сентября генерал писал своему представителю в Таганрог: «До меня доходят сведения об усилении в населении неприязненного отношения к немцам... Следует обратить самое серьезное внимание на использование этого настроения в смысле подготовки партизанской войны к тому времени, когда начало ее будет мною признано полезным. В случае неполучения от меня указаний, сигналом для начала партизанской войны будет открытие немцами военных действий против Добр[овольческой] Армии или Волжского фронта». И мысль о том, что Добровольческая Армия не должна отделять себя от стихийных народных выступлений, вообще, кажется, была распространена в окружении Алексеева. Один из его сотрудников в поданном 13 сентября докладе специально отмечал: «...Добр[овольческой] Армии необходимо взять в свои руки нарождающееся народное движение на Украине и в Советской России. В этом смысле уже посланы общие инструкции по центрам¹⁷».

Сделать этого не удалось, но важны сами тенденции, пути, на которых искали Белые вожди ответа на вопросы, поставленные Россией историей. Идея же широкого фронта имела для них смысл не только социальный (объединение всех слоев населения на основе «пробуждающегося национального сознания»), но и географический: целью становилось восстановление Восточного

фронта мировой войны, направленного против как немцев, так и их союзников большевиков. Алексеев не раз обращает взоры к северу, считая необходимым перенос операций с Кубани на Царицынское направление уже к концу лета. Упорное сопротивление «Красной Армии Северного Кавказа», возглавляемой талантливым тактиком-самородком, бывшим офицером И. Л. Сорокиным, затянуло боевые действия на этом театре, но и в начале осени генерал по-прежнему пишет: «Операции на Кубани надлежит считать частной задачей, главная же – скорейший выход к северу и объединение всех элементов борьбы (в том же документе в качестве таковых им назывались «[фронты] Чехо-Словацкий, Западно-Сибирский и Фронт Учредительного] Собрания». – А. К.) в одну Армию».

Летом 1918 года М. В. Алексеев даже принял предложение союзных миссий «взять на себя командование Волжским фронтом», подчеркивая при этом, что «самостоятельность должна быть поставлена основным требованием будущей организации управления, и без ясно и определенно выработанных условий, прибытие [на Волгу] не только мое, но и всякого другого лица, будет бесполезным¹⁶»; очевидно, и здесь нашли отражение представления генерала о необходимости диктатуры в той или иной форме. Надо сказать, однако, что, по нашему мнению, стремление Михаила Васильевича на Волгу было вызвано соображениями не только стратегическими, но и личными – связанными с тем положением, которое он занимал на Юге России в последние полгода своей жизни.

* * *

«Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование, – рассказывает генерал Деникин. – За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти¹⁹. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм». Однако не все было так радужно: на практике создавался не столько «дуализм», сколько «двоевластие», а поскольку Алексеев, разумеется, не мог и не желал допускать двоевластия в управление войсками – его собственные прерогативы должны были сокращаться даже вопреки высокому положению генерала и его непререкаемому авторитету. Даже титул, присво-

Подразделение белых войск Черноморского побережья, 1919 год

енный Михаилу Васильевичу – «Верховный Руководитель Добровольческой Армии», – был придуман несколькими молодыми офицерами из его окружения, не пользовавшимися большим весом. Всем этим и могли стимулировать интерес Алексеева к «переговорам о создании общерусской власти за Волгой» и стремление туда.

На Востоке России и в самом деле шли активные переговоры о созыве нового Государственного Совецания, которое смогло бы, представляя все антибольшевицкие силы страны, сконструировать всероссийскую власть. Но «Уфимское Совецание», начавшее работу 26 августа, оказалось еще одной социалистической попыткой перехватить власть; Добровольческой же Армии было просто отказано в представительстве на нем... После этого состоявшееся 10 сентября избрание генерала-от-инфантерии М. В. Алексеева в состав утвержденной Уфимским Совецанием «Директории» в качестве... «персонального заместителя» руководившего борьбой на Волжском фронте генерала В. Г. Болдырева, чьи заслуги и авторитет были несравнимы с алексеевскими, тоже выглядело по меньшей мере бестактностью, сам же Михаил Васильевич, очевидно, никогда не принял бы такого поста, ибо новообразованная «Всероссийская Верховная Власть» объявлялась подчиненной Учредительному Собранию образца 1917 года, отношение к которому Верховного Руководителя Добровольческой Армии нам хорошо знакомо. Впрочем, известия об этом уже не застали генерала в живых, лишь оставив у его соратников впечатление чего-то «несколько нескромного и обидного в отношении его памяти». Однако, не зная о готовящемся в Уфе, Михаил Васильевич в последние два месяца своей жизни собирался отправиться туда, «как только явится возможность

сколько-нибудь верного способа сообщения и когда состояние его здоровья позволит ему совершить путешествие».

Незадолго до этого, в августе, было разработано и утверждено Алексеевым «Положение об Особом Совецании при Верховном Руководителе Добровольческой Армии» – законосовещательном органе, часто трактуемом как «правительство», «высший орган государственного управления» и проч. Однако этой точке зрения противоречит положение, при котором решения Совецания были вообще «не обязательны для Верховного Руководителя или для Командующего Армией, кои могут принять и самостоятельное решение и дать ему силу закона». Через месяц в порядке доработки Положения было составлено «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией», вручавшее «всю полноту государственной власти в областях, занимаемых Д[обровольческой] А[рмией]... В[ерховному] Р[уководителю] Д[обровольческой] А[рмии] (Главнокомандующему Д[обровольческой] А[рмией])» и фактически определявшее его права – по нормам Российской Империи – как промежуточные между Верховным Главным Командующим (в военное время) и Самодержцем, закрепляя тем самым принцип диктатуры.

В то же время следует отметить, что «Временное положение» по-прежнему не только не конкретизировало и не предрешало грядущего государственного устройства, но и не упоминало механизма создания общероссийской государственности: будучи «Временным» по наименованию, оно не указывало путей перехода к «постоянному», ни разу не говоря об «Учредительном», «Национальном Собрании» или чем-либо подобном – очевидно, оставляемом лишь для речей и деклараций, – равно как и о подотчетности Верховного Руководителя чему-либо или кому-либо теперь или в будущем. Такое «красноречивое умолчание» может служить косвенным свидетельством в пользу существования планов сохранения военной «национальной диктатуры» на переходный период, пока обстановка в освобожденной от большевиков России не стабилизируется.

По-прежнему основополагающим и самым определенным оставался лишь принцип территориальной целостности Державы. И, наверное, не случайно и знаменательно, что последнее в жизни генерала Алексева «участие в государственной работе» (выражение Деникина) было по-прежнему связано с противодействием германской экспансии и защитой единства России.

12–13 сентября в Екатеринодаре под председательством Михаила Васильевича прошли переговоры с представителями «самоопределившейся» под германским протекторатом Грузинской Республики. Генерал «словами резкими, не облеченными в дипломатические формы... нарисовал картину тяжелого и унижительного положения русских людей на территории Грузии, расхищения русского государственного достояния, вторжения и оккупации грузинами, совместно с немцами, [части] Черноморской губернии»... По воспоминаниям одного из его сотрудников, взволнованный, негодующий, разгоряченный Алексеев вышел в соседнюю комнату, выпил стакан холодной воды... и на следующий день свалился с воспалением легких, которого его старый организм уже не перенес.

25 сентября 1918 года генерал Деникин в приказе Добровольческой Армии писал:

«Сегодня окончил свою – полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне...

*Знак 1-го Конного генерала
Алексеева полка*

И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный путь до конца – пусть будет дорогим венком на свежую могилу сбирателя Русской Земли».

Праху Михаила Васильевича недолго доведется почивать в усыпальнице екатеринодарского собора. Пройдет чуть более года, и отступающие Белые воины, спасая не только живых, но и мертвых, перенесут его останки в Сербию, где на белградском кладбище под Православным крестом с одним только словом «Михаил» и поныне покоится создатель Добровольческой Армии. А тогда, в 1918 году, отец Георгий Шавельский, напоминая, что в день смерти генерала Православная Церковь чтит память Преподобного Сергия Радонежского, говорил, что «спасший русский народ от страшной татарщины преподобный Сергий своим небесным светом будет освещать и уяснять великий земной подвиг Михаила Васильевича, положившего начало спасению России от большевистской бесовщины. И в этом первый памятник и великая награда для его глубоко веровавшего бессмертного духа».

* * *

Осенью 1920 года, в дни эвакуации Крыма, Россию покинула чудотворная икона Знамения Божией Матери «Курская-Коренная», с конца XII века осевшая в Русь. Отныне Заступница избирала Себе новый удел – «Одигитрии Русского Зарубежья», Путеводительницы лишенных земного Отечества русских людей, которым оставалось теперь только Отечество Небесное. Икона отплывала к «чужим берегам» на флагмане русского Белого Флота – громадном дредноте, как бы нарочно выбранном для Святой ноши.

Этот корабль назывался «Генерал Алексеев».